

Возможны разные исследовательские подходы к теме «Человек и война» – социально-философский, философско-антропологический, исторический, культурологический, социологический. Каждый из них связан со своей логикой анализа и набором актуальных проблем. В рецензируемой работе война стала предметом осмысления как социальное явление, сопровождающее человечество на всем пути его цивилизационного развития, и одновременно как общественное состояние, заключающее существование человека в жесткие границы между жизнью и смертью, диктующие свои нормы социального поведения, главной из которых становится «Убей врага!». В книге сделана попытка соединить философскую рефлексию с описанием различных типов поведения человека в разных ситуациях военного времени. В какой бы мере эта попытка ни удалась каждому из авторов, она – свидетельство новизны и научной значимости осуществленного коллективно-исследования.

Исходным фактом, определившим направленность авторских устремлений, стала 75-я годовщина окончания Великой Отечественной войны. Эта дата фиксирует не только годовщину одержанной победы, сохраняющей свою общечеловеческую ценность и сегодня, но время жизни целого, уже послевоенного, поколения, которому выпали свои испытания и которое руководствуется в поведении и отношении к миру своими нормативными и ценностными критериями. Возникает вопрос: почему остается не ослабевающий интерес общественного и индивидуального сознания к теме войны? Причин много, они связаны и с сегодняшними тревожными ожиданиями нового конфликта, и с постоянными военными столкновениями в различных регионах мира, и с пульсирующим нервом исторической памяти, требующим не забывать о победах и поражениях, страданиях и радостях, героизме и предательстве, жертвенности и эгоизме тех страшных лет. Но, главное, эти причины связаны с неистребимым желанием человека любой эпохи увидеть *связь своего настоящего с прошлым*, понять, насколько жизненные ценности, нормы поведения, межличностного общения, отношений с властью и государством, сложившиеся в далекое для него время, могут быть включены в *его* образ жизни и смысловую картину мира. Для этого прошлое должно быть информационно доступным, а его осмысление открытым для критической оценки новым поколением. Между тем, если говорить о Великой Отечественной войне, до сих пор сохраняется

закрытость большей части военных архивов, немало документов безвозвратно утеряно, а многие участники и свидетели событий того времени ушли из жизни. Есть и еще одна проблема: как сохранить *этический баланс* в оценке событий тех лет и одержанной Победы, как не забыть, что она оплачена жизнью и смертью миллионов людей? Наконец, как не предать память погибших сомнением «а не зря ли все было?» В рецензируемом сборнике этот баланс выдержан, а выбранный ракурс исследования предопределил гуманистический пафос авторских размышлений. И это мне представляется очень значимым в оценке книги. Отечественная война предстает в ней не только как продолжение политики другими средствами, но как борьба со злом, посягнувшим на общечеловеческие нравственные ценности и на возможность народов жить в мире и согласии. С этих позиций рассмотрена и одержанная Победа.

Сборник открывается статьей Д.И. Дубровского «Великая Отечественная. Правда и мифы в размышлениях участника войны» (с. 16–68), в которой поставлен вопрос о цене победы. Автор сформулировал его предельно четко: «Это в первую очередь вопрос о потерях, о гибели миллионов людей. Всем нам важно знать: почему эти потери оказались такими непомерно большими?» (с. 18). Для ответа на этот вопрос Д.И. Дубровский акцентирует внимание на правовом беспределе, массовых репрессиях, «чистках» в армии, ставших одной из главных причин поражений и огромных потерь, которые понесла страна в первые месяцы войны (см. с. 18–19, 60). Если говорить о методологии авторского анализа проблемы, то она очевидна: требование при изучении темы Великой Отечественной войны обязательно обращать внимание на сложившуюся в то время в стране политическую ситуацию. Без этого, справедливо считает автор, анализ хода военных действий, причин побед и поражений, не будет полным и адекватным историческим реалиям. С этим утверждением нельзя не согласиться, но любая политическая ситуация должна учитываться во всех взаимодополняющих измерениях – экономическом, социально-культурном, духовно-нравственном, психологически-эмоциональном, национальном и др. Но эти измерения не присутствуют в статье в той степени, в какой этого можно было ожидать (я отношу это замечание не только к статье Д.И. Дубровского, но и к книге в целом.)

Две проблемы определили направленность всего исследования и содержательный контекст

книги: во-первых, воинский героизм и его мифологизация в художественных образах, во-вторых, память и забвение. В рамках первой актуальное звучание получила тема о влиянии советских идеологов, формировавших нравственную позицию, по которой «все жизненно событийное рассматривалось под углом зрения врага», на поведение человека в различных фронтовых ситуациях и в тылу. Линии этого влияния прослежены в статье С.С. Неретиной «Больно ли мертвым? Смерть как доказательство» (с. 153–179). Обращаясь к произведениям Василия Быкова («Обелиск», «Его батальон», «Мертвым не больно»), она показывает, когда столкновение этих идеологов с поведением человека кончается поражением, а когда победой «феномена Человек», то есть поражением или победой человека, не нашедшего или, напротив, нашедшего в себе силы стать выше предписаний и требований официальной идеологии. Включив в статью сюжет известного рассказа Быкова о судьбе учителя, продолжавшего учить детей в оккупации и добровольно принявшего смерть, чтобы противостоять их «расчеловечиванию» фашизмом, С.С. Неретина формулирует высший критерий героического поведения – *оставаться нравственно ответственным перед своей совестью*. Правда, признание такого критерия оставляет открытым ответ на вопрос: всегда ли и при любых обстоятельствах следование принципам своей совести будет благом для всех? Есть и еще один нюанс у проблемы – однозначно ли влияние политических идеологов, утвердившихся в общественном сознании и в самосознании советского человека, на его поведение на войне. Проявления этого влияния были разные, в том числе и очевидно негативные (обесценение жизни Солдата во имя достижения победы), и позитивные, которые сопрягались с массовым воинским героизмом, проявлениям солдатского братства, взаимопомощи и верности и помогали человеку *выжить* в тех страшных условиях. У автора нет специального обращения к этому вопросу, а он возникает при чтении статьи как ожидаемый, но оставшийся почему-то без внимания.

Вторая главная проблема книги связана с философской темой памяти и забвения. «Давно замечено, – пишет Г.Л. Тульчинский, – что переживание трагедии и психологических травм сопровождается периодом молчания, когда носители таких переживаний некоторое время предпочитают не упоминать пережитое. И чем глубже стресс, тем больше требуется времени, чтобы осмыслить такой опыт, встроить его в нарратив самосознания личности» (с. 209). Рецензируемая книга свидетельствует, что время для нового воссоздания в нашей общей памяти опыта Великой Отечественной войны во всех ее проявлениях и ракурсах настало. Пафос книги задан убеждением авторов, что никто

из всех, кто погиб на войне, герой и «обычный участник», солдат и командир, убитый в бою и погибший в плену, пропавший без вести в окружении и в концлагере не может быть предан забвению, ибо смерть каждого – это завещание всем оставшимся в живых верить, что самым ценным на войне, как и в мирное время, является жизнь человека и что этой мерой определяется цена Победы. За победой в Отечественной войне стоит гибель миллионов людей и каждому из погибших, как пишет С.С. Неретина, *больно*, если оставшиеся жить забывают о них. Больно бывает и оставшимся жить, когда они вспоминают, тех, кого уже нет рядом, но их воспоминания важны для формирования национального самосознания и развития исторической памяти, важны как фактор, рождающий необходимое человеку ощущение сопричастности к общему благому делу.

Отдельным блоком в книгу вошли статьи, в которых рассматривается феномен мифологизации военного героизма в литературе, в кино, в музыке, в песенном творчестве. Это работы Е.Я. Марголита, Е.Я. Бурлиной, А.Г. Гачевой, Е.А. Ермолиной, И.Е. Козновой, Г.П. Сидоровой. Основанием этих исследований стало «персоналистическое осмысление войны» (Тульчинский), в рамках которого война предстает как великая травма и великий подвиг, осознание которых «взрывает» сложившиеся нормы, запреты, заповеди. Главным эмоциональным переживанием становится ужас перед разрушением всего, чем была наполнена предвоенная жизнь, и перед неизбежностью преждевременной смерти, альтернативой которой воспринимается идеал сверхнормативного героизма. Через оптику такого осмысления героизм трактуется в книге многопланово: как спонтанный поступок, как состояние, в котором героизм невозможно отделить от нравственных терзаний прослывать трусом в глазах товарищей, как самоутверждение через проявление стойкости, смелости, твердости, или как способ преодоления страха перед тем, участником чего человек силой обстоятельств (судьбы) становится. Именно такой аспект проблемы стал предметом внимания С.А. Никольского, в статье «Советский человек на войне и в отражении художественной литературы». Он пишет: «Пребывающий на грани жизни-смерти человек не может не испытывать проявления своего основного инстинкта самосохранения, и ему всегда в той или иной форме присущ страх. В то же время одоление противника невозможно без преодоления страха, без героизма» (с. 95). У страха может быть много причин. Обращаясь к произведениям В. Астафьева, В. Быкова, В. Гросмана, А. Солженицына, С.А. Никольский отдельно рассматривает ситуацию, когда за героическим поступком стоял страх, рожденный в том числе атмосферой массового предвоенного террора в стране.

Поэтому адекватная интерпретация причин и мотивов воинского героизма, считает он, требует всестороннего анализа, осознания, что Великая Отечественная война была и народной, и войной двух государственных систем.

Обращает на себя внимание рассмотрение в книге другой стороны воинского героизма. Так, *И.Е. Кознова* считает, что с духовным миром человека связана одна из тайн войны, которую она, соглашаясь с А. Платоновым, определяет так: «разделить с тобою смерть и спасти тебя от смерти, погибнув сам» (с. 355). В этом же ключе рассмотрено поведение человека на войне в статьях *А.Г. Гачевой*, *Г.П. Сидоровой*, *Е.А. Ермолина*. Уделено в книге внимание и теме военного травмированного детства, к которой в парадигме художественной лирической рефлексии обращается *Н.Н. Летина*. Автор описывает войну и как социальное зло, «машину по уничтожению», и как травмирующую несвоевременную инициацию, в связи с которой «... в литературной рефлексии взрослых о детях и Великой Отечественной войне складывается обостренное переживание спектра эмоций и реакций – от укора, горя, гнева, боли, шока до чувства трагической вины» (с. 461). Ряд новых для проблемного поля темы «Человек и война» концептуальных вопросов затронули статьи *Н.Н. Мурзина* («Военная теория, идеология, мифопоэтика, геополитика: Сталин критикует Клаузевица»), *Н.Н. Хренова* («Война или культура: традиция византизма в столкновении цивилизаций»), *Е.Я. Марголита* («Фильм спорит с фильмом. Диалог концепций»).

Подводя итог, отмечу, что рецензируемая книга – это успешная попытка исследования ключевых проблем Великой Отечественной войны, за многообразием ликов которой авторы увидели философские вопросы жизни и смерти, свободы и насилия, добра и зла, любви и не-

нависти. Главный вывод, к которому приходят авторы, несет в себе два метафизических смысла: 1) самое ценное на войне – жизнь человека и 2) чем значительнее в людях истинно человеческое, тем значимей для выживших результаты победы. За этим выводом стоит гуманистическая направленность всей книги. Этот, сохраняемый всеми авторами ракурс исследований позволяет назвать сборник одним из первых удавшихся опытов анализа темы «Человек и война» в ее метафизическом содержании и в разнообразии социальных и человеческих проявлений.

Книга, бесспорно, найдет отклики как у специалистов, так и у массового читателя и будет встречена с интересом. Отклики будут, очевидно, разными, но в любом случае они будут свидетельствовать о достижении авторами поставленной цели – предложить еще раз задуматься о том трагическом времени и тех, кто с честью вынес все его испытания, сохранив в себе верность общечеловеческим нравственным ценностям и заповедям.

И.Н. Сиземская

Сиземская Ирина Николаевна – Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр., 1.

Доктор философских наук, главный научный сотрудник института философии РАН, Москва.

sizemskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9415-9164

Sizemskaya Irina N. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Chief researcher in Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-219-221